

2008 год, когда закрыл тему для себя. Мне удалось по межбиблиотечному абонементу добыть на месяц микрофильм книги в четырёх томах «Жизнеописание сэра Родерика Импи Мэрчисона в письмах и документах». Этих книг нет даже в «Ленинке» (сегодня Российская государственная библиотека — ред.). Она оказалась в Фундаментальной библиотеке Академии наук СССР и имела экслибрис с печатью «Из личной библиотеки Владимира Ивановича Вернадского». Издание, естественно, на английском. Целый месяц я переписывал книги о Мэрчисоне с экрана. Когда перевёл, передо мной открылась фантастическая картина его жизни, его открытый, того, как складывалась его работа. Кстати, коллектором, таскавшим образцы пород, у него был мальчишка по имени Чарльз Дарвин. После выхода «Происхождения видов» Мэрчисон жаловался: «Дарвин три раза упомянул меня только для того, чтобы лягнуть».

Пермские школьники поставили перед своей школой №9 штуф благородного камня серпентинита из зеленокаменного пояса Урала в честь Мэрчисона, отчаянного шотландца, увидевшего всю Землю с Земли. Затем екатеринбуржцы из Общества уральско-шотландской дружбы откры-

НАВЕРНОЕ, БУДУТ У МЕНЯ ТРУДНОСТИ С ИЗДАНИЕМ, ПОТОМУ ЧТО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ У МНОГИХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ ПОЯВИЛОСЬ СТРЕМЛЕНИЕ ПРЕВРАТИТЬ ИСТОРИЮ НАШЕЙ СТРАНЫ В ТОРТ «НАПОЛЕОН», ГДЕ ВСЕ СТРАНИЦЫ СЛАДКИЕ

ли памятную доску в честь Мэрчисона на трёхметровой глыбе ракушечника, украшенной обломком гигантского аммонита, — «Великому исследователю Земли сэру Родерику Мэрчисону» на реке Чусовой, недалеко от того места, где Мэрчисон с палеонтологом де Вернейлем перевернулись на лодке в речке Серебрянке, но спасли свои бесценные полевые книжки. Мне посчастливилось участвовать в торжествах по поводу этого события. Проект уральцев называется «Открывая Землю».

Пермь. Смыслы. Литература

Для меня Пермь — город литературный, весь пронизанный смыслами и знаками. Владимир Абашев точно сказал: «Пермь как текст». Я и выбрал город как место жительства по этому признаку. Когда мы с женой думали, куда перебираться с Дальнего Востока после завершения

А Я, ПОПЕРЕЧНЫЙ,
КОГДА ПОЛУЧАЛ
ПАСПОРТ, ВЗЯЛ
ФАМИЛИЮ ОТЦА.
ЭТО БЫЛО КАК РАЗ,
КОГДА В ЖУРНАЛЕ
«КРОКОДИЛ»
ИЗОБРАЖАЛИ «УБИЙЦ
В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ»
С КРЮЧКОВАТЫМИ
НОСАМИ

работ Суйфунской нефтяной партии, мне попался приличный тогда журнал «Молодая гвардия». Там был рассказ какого-то Астафьева с его молодой фотографией. «Останутся воспоминания», — потом он изменил название рассказа. Говорю другу своему Вадику Тихомирову: «Рассказ

Кофточка застенчивого цвета,
Под косынкой — золотая рожь.
Женщина, тиха, как бабье лето,
Протянула запотевший ковш.

Ничего она мне не сказала,
Просто поспешила напоить.
Петя устала, говорить устала,
Только нежной не устала быть.

Это был Алексей Решетов. Он читал очень тихо, шелестел, но его было слышно превосходно. Потом я заметил, у него были два слова: «точняк» и «фальшак». Это был такой точняк! Дело даже не в том, что мне в молодые годы странствий близок был поиск деревенского ночлега. Дело было именно в дрожки, в мурашах, которые побежали по шкуре, в шерсти, которая вся дыбом встала. Он прочёл еще несколько стихотворений. Два из них я сразу запомнил — «Кофточку» и «Мы в детстве были много откровенней». Не было чем записать. Всё замоло, транспорт не ходил. Я шёл домой на Конпашни, то есть Коноваловские пашни (сегодня микрорайон Садовый — ред.), сквозь пургу и шептал стихи, боясь позабыть хоть одно слово. Знаете, это было счастье. Хотя Андрей Битов и говорит, что полного счастья не бывает — не хватает или 100 грамм, или 100 рублей. Булат Окуджава тоже предпочитал говорить осторожно — не «счастье», а «любви счастливые моменты». Уже потом я попал в решетовский круг, из которого сегодня в нашем городе осталось только четверо: Надя Гашева, Дима Ризов, Ира Христолюбова да я. Один за другим ушли Роба Белов и Володя Михайлюк, лучший Лёшин друг. Можно похвастаться? Однажды Алексей Домнин сказал мне:

— Твои птички стихи Витьке понравились.

— Какому Витьке? Болотову?
— Астафьеву.

*Вхожу в село, ищу себе ночлег.
Его в селе найти нетрудно вроде —
Все избы одинаковы, у всех
Шатром стропила, баня в огороде.
Но я ищу — по-птичьи я свищу,
Мальчишески заливисто. Конечно,
Я мог бы неискать, но я ищу
Шест во дворе, а на шесте скворешню.*

то какой хороший. И фотка хорошая. Погеду в эту Пермь».

Случайно попадая в город, я по молодости не пропускал поэтические вечера. Были приличные стихи, хорошие, даже очень хорошие. А настоящие стихи... Перефразирую Цветаеву: «Я стихи узнаю по дрожи всего тела вдоль».

Как-то был вечер в Доме журналистов. Свои стихи читал парень, лучше сказать, паренёк из Березников в расстянутом свитере — думаю, чего тут ждать. И вдруг!